

ЦИТАТА КАК ИНСТРУМЕНТ АКТИВИЗАЦИИ РЕФЛЕКСИИ

В.А. Миловидов

Тверской государственный университет, Тверь

Статья посвящена способам организации рефлексии на основе цитатного текста. Показано, что в случае с цитатным текстом читатель сталкивается с феноменом индуцированной метафоризации, которая и станет средством активизации рефлексии. Формат и интенсивность рефлексии при том будут значительно различаться в зависимости от принадлежности текста к той или иной парадигме художественности.

Ключевые слова: рефлексия, цитата, остранение, неотрадиционализм, постмодернизм, метафоризация.

Заглавие настоящей работы содержит в себе явное противоречие в послышке. С одной стороны, рефлексия, как это принято считать, есть активная реакция субъекта рецепции на некую *новизну* («сильный текст», различные формы метафоризации, необычное и нестандартное лексическое или синтаксическое текстовое средство и так далее), и в этом смысле рефлексия системно связана с феноменом *остранения* и является его прямым следствием.

С другой стороны, цитата есть нечто уже кем-то и когда-то *произнесенное-написанное*, то есть – нечто, далеко *не новое*.

Как разрешить это противоречие – тем более, что личный опыт чтения цитирующих (цитатных) текстов убеждает автора в том, что, несмотря на наличие в них даже самых «ветхих» цитат, последние всегда активизируют рефлексию и, как то предусмотрено ее ролью, формируют мощные и сложные семантические образования – чему как раз рефлексия и способствует.

Методологическое правило, которое могло бы помочь в разрешении указанного противоречия, гласит: чтобы понять суть феномена, нужно на его онтологию выйти через его функцию. Иными словами, чтобы понять, как цитата *активизирует* рефлексию, следует понять... *как* цитата активизирует рефлексию.

Литература о цитате – и лингвистическая, и литературоведческая, – велика и многообразна (достаточно полный обзор можно найти в книге [Семенова 2002: 4–22, 23–45]), но общим местом в современной теории цитаты является утверждение, что цитата есть средство подключения семантики цитируемого текста (текста–цитанта) к тексту цитирующему (тексту–цитатору), за счет чего и происходит их взаимодействие: «Ее <цитаты – В.М.> основная функция – обогатить авторский текст смыслами текста-источника» [Фоменко 2008: 294].

Взаимодействие текста–цитатора и текста–цитанта разнообразно и многопланово. Иногда оно вполне умопостигаемо (то есть, не пробуждает рефлексии) – как в научных текстах, где «ум» одного ученого либо спорит с «умом» другого, либо пользуется им как своего рода постаментом, с которого может свысока посматривать вокруг, на иные ученые «умы».

Иногда же (и эти случаи как раз интересны для изучения рефлексии и сложных путей понимания, прежде всего, литературно-художественных текстов) результаты этого взаимодействия выходят за границы «ума»; там, за этими пределами, собственно, и протекает рефлексия как инструмент приращения новых смыслов к смыслам и значениям уже состоявшимся, уже «умным».

Примером такого рода спровоцированной цитатой рефлексивной деятельности может послужить любой *классический* текст, включающий в себя цитатный материал (или, в соответствии с типологией парадигм художественности В.И. Тюпы [Тюпа 1988: 96–142], текст неотрадиционалистский, отличающийся по принципам цитирования от текста, допустим, постмодернистского, что важно для нашего анализа).

Гамлет.

Гул затих. Я вышел на подмости,
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.

На меня направлен сумрак ночи
Тысячей биноклей на оси.
Если только можешь, *Авва Отче*,
Чашу эту мимо пронеси...
Б.Пастернак. Стихотворения Юрия Живаго.

Первая цитата, которая задает код рецепции стихотворения Б. Пастернака – заглавие пьесы Шекспира. При этом в самом стихотворении более нет и намек на ее персонажей – нет здесь ни Офелии, ни Клавдия, ни даже Озрика. Есть лишь имплицитная ситуация выбора («быть или не быть»), но она, будучи гамлетовской по определению, в тексте «Гамлета» Б. Пастернака актуализируется второй цитатой – из Евангелия. «Моление о чаше», произносимое Иисусом в Гефсиманском саду, есть тоже, как и монолог Гамлета из третьего акта Шекспировской трагедии, размышление о выборе пути – быть (взойти на Голгофу и реализовать свою сущность) или не быть (отказаться от подвига). А если учесть, что лирический герой и фикциональный автор стихотворения Б.Пастернака, Юрий Живаго, молодой русский интеллигент начала XX века и герой романа, также стоит перед выбором, а за всеми троими персонажами этого стихотворения стоит и Б. Пастернак как автор и «внутритекстовая инстанция», то семантика произведения, спровоцированная рефлексией, усложняется и уплотняется многократно: смыслы «мерцают» (термин Б.В. Томашевского) сквозь значения, сквозь имманентную семантику цитируемых и цитирующего текста («Содержание лишь мерцает сквозь выражение, а выражение лишь намекает на содержание», – пишет в одной из своих работ Ю.М. Лотман [Лотман 2000: 24]). Это «мерцание» и есть результат работы рефлексии, пробужденной цитатой, и, хотя его невыразимо трудно – в

силу его принципиальной невыразимости – связать полноценной интерпретацией, перспективу семантических следствий взаимодействия текста–цитатора и текстов–цитантов у Пастернака можно определить следующим образом: Иисус – это первый Гамлет нашего мира (и, одновременно, выпускник Виттенбергского университета), Гамлет вбирает в себя сюжет Иисуса с его жертвой и подвигом спасения человечества (Лаэрт в пятом акте трагедии Шекспира бьется на рапирах, фактически, с сыном плотника из Галилеи), а Юрий Живаго из конкретного представителя русской культуры начала века превращается в фигуру универсального значения, чей сюжет обретает черты вселенской драмы.

Эффект остранения и активизацию рефлексии провоцирует не сама цитата, а взаимодействие цитаты и контекста, цитаты и иной цитаты. Какими бы древними ни были цитируемые тексты, их столкновение в поле цитирования всегда ново и свежо.

Это нисколько не противоречит базовой для понимания механики остранения идеи В. Шкловского [Шкловский (а) 1983: 13] – «затрудненное», деавтоматизирующее восприятие порождается конфликтом подлежащего семантизации элемента и непривычного для него контекста. Причем, остранение может быть вызвано как прямой, так и «обратной» дифференциацией, как вслед за Б. Христиансенем [Шкловский (б), 1983: 33] называет этот механизм русский ученый: странным может выглядеть как избыточно «нагруженный» элемент на фоне семантически бледного контекста, так и наоборот – семантически бедный элемент на фоне контекста «нагруженного». Важно то, что остранение вызывается не имманентной семантикой остраненного элемента текста, а его со-противопоставлением с контекстом.

Изъятие текстового элемента из контекста – это уже, по сути, стимуляция механизма остранения. Внедрение же его в новый контекст, в качестве цитаты, – стимуляция не менее эффективная. А где есть остранение, там и рефлексия с ее результатами – лавинообразным смыслообразованием и «мерцанием» смыслов.

И второй механизм активизации рефлексии в цитатном тексте – это то, что мы назвали бы индуцированной метафоризацией – взаимоналожением и, соответственно, индуцированным семантическим взаимодействием по меньшей мере двух текстов (двух цитат). Основывается индуцированная метафоризация на принципе презюмируемой целостности текста – реципиент (и автор, который также является и первым реципиентом своего текста) исходит в его рецепции из презумпции его целостности, когерентности всех его элементов. Но в литературно-художественном тексте, как полагает Р.О.Якобсон, «... любое А, следующее за В, – это сравнение с В» [Якобсон 1975: 220], то есть, сам факт рядоположения двух элементов текста есть повод для их семантического взаимодействия, и особенно явно это происходит, как пишет исследователь, «...в поэзии, где сходство накладывается на смежность, всякая метонимия отчасти метафорична, а всякая метафора носит отчасти метонимическую

окраску» [Якобсон 1975: 221]. Иными словами, в литературно-художественном тексте поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности не только «с оси селекции на ось комбинации» [Якобсон 1975: 204], но и наоборот – с оси комбинации на ось селекции (с оси синтагматики на ось парадигматики), заставляя семантически взаимодействовать стоящие рядом в синтагматической цепочке элементы текста, «навязывая» содержательное сходство тому, что раздельно, вне становящегося текста, таковым сходством не обладает (какой, если серьезно, из Иисуса Гамлет?).

В неотрадиционалистской парадигме художественности голос автора, преломленный через фикционализированную личность лирического героя (рассказчика) пока обладает достаточной степенью «самости» для голосоведения от собственного лица, что определяет и специфику цитирования в неотрадиционалистском тексте, где авторский голос и средства его реализации является полноценным объектом рефлексии.

Но если в неотрадиционалистской парадигме художественности цитата является лишь одним из целого ряда способов активизации рефлексии, то в тексте постмодернистском рефлексия базируется исключительно на использовании цитаты – по той простой причине, что в ситуации «смерти автора» и замены его фигуры на фигуру, как это выразил Д.А. Пригов, «режиссера» [Гандлевский 1993: 3] цитата становится единственным материалом художественного текста – интертекста по определению. Здесь объектом рефлексии становится сам способ взаимоналожения цитат, который оказываются не менее значимым, чем имманентная семантика взаимоналагаемых текстов – в этом и состоит главная особенность интертекста как феномена уже не неотрадиционалистской, а постмодернистской [Борисенко 2004: 14] культуры.

При этом организация рефлексии в постмодернистском интертексте базируется на реализации двух механизмов. С одной стороны, поскольку в интертексте взаимодействующие дискурсы и социолекты как способы речевого поведения подвергают друг друга «взаимоуничтожению», остраивающие функции обретает как раз искажение цитатного материала. Это происходит, к примеру, когда в шестом сонете из цикла «20 сонетов к Марии Стюарт» И. Бродский, начиная с первого в первом стихе знака препинания, искажает цитируемый им пушкинский текст:

А. Пушкин: Я вас любил: любовь еще, быть может,...

И. Бродский: Я вас любил. Любовь еще (возможно...

Если в представлении постмодерниста любое слово – «палимпсест» (Женнетт), несущий на себе следы множества прошлых контекстов-употреблений, а потому безнадежно «стертое», «обветшавшее», то именно цитация становится единственным способом это слово «освежить», то есть – изъять из всех контекстов, таким, парадоксальным образом, подвергнув остраиванию и, соответственно, интенсифицировать рефлексия со стороны

реципиента. Поэтому в постмодернистском тексте контекстом для цитаты будет некая внеязыковая действительность (тотальная деонтологизация бытия и, соответственно, онтологизация Логоса), а иные цитаты, с которыми она вступает в отношения, как в стихотворении Ю. Скородумовой:

Параноев ковчег

...Все было весело и чинно.
Иные, правда, напрягали,
увы, не парус: Ай болел.
Товарищ Нетте, что на ты
Был с Брутом, похвалялся весом
общественным. С похмелья синий
чулок с деньгами флиртовал.
Ударившись в роман, газета
Ромен-Роллану наставляла
рога-копыта. Дальше - круче;
грудь колесо изобретала,
стриптиз крепчал - так закалялась
мадам де Сталь, Агата Кристи
крестилась так, Мари - курила...

...Но вот случилась заварушка.
Едва почуял бурю вестник,
штык вынул нож, вкатил царь пушку,
достала Анка пулемет,
за пистолет Макаров взялся.
Стращала пулей дура,
мальчик грозился пальчиком,
пускал в ход вальтер скот, махала рыба
мечом. Вне всех субординаций
дал мичману по морде Панин,
а Пронин нахамил майору.
Гусь вдребезги разбил хрустальный,
вдове порвав ее клико.
Оленю обломал рога
король. Порвал рубаху парень.
Андре жида назвал безродным
космополитом, гей Люссака
к Али-бабе приревновал.

По харе получила кришна... [Скородумова, 1999, 83–85]

Умберто Эко объясняет особую функцию цитаты в постмодернистской культуре в «Заметках на полях “Имени Розы”»: «Постмодернистская позиция напоминает мне положение человека, влюбленного в очень образованную женщину. Он понимает, что не может сказать ей “люблю тебя безумно”, потому что понимает, что она понимает (а она понимает, что он понимает), что подобные фразы – прерогатива Лиала. Однако выход есть. Он должен сказать: “По выражению Лиала – люблю тебя безумно”. При этом он избегает деланной

простоты и прямо показывает ей, что не имеет возможности говорить по-простому; и, тем не менее, он доводит до ее сведения то, что собирался довести, – то есть что он любит ее, но что его любовь живет в эпоху утраченной простоты. Если женщина готова играть в ту же игру, она поймет, что объяснение в любви осталось объяснением в любви. Ни одному из собеседников простота не дается, оба выдерживают натиск прошлого, натиск всего до-них-сказанного, от которого уже никуда не денешься, оба сознательно и охотно вступают в игру иронии... И все-таки им удалось еще раз поговорить о любви».

А что такое рефлексия, как не, в конечном итоге, реплика в разговоре о любви?

ЛИТЕРАТУРА

Борисенко А.В. Семиотика интертекстуальности. Тверь: Тверской госуниверситет. 2004. 114 с.

Гандалевский С. Д. Пригов. Между именем и имиджем // Лит. газета. 1993. 12 мая.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Ю.М.Лотман. Семиосфера. [Культура и взрыв](#). [Внутри мыслящих миров](#). Статьи. Исследования. [Заметки](#). Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2000. С. 150–391.

Семенова Н.В. Цитата в художественной прозе (на материале произведений В. Набокова). Тверь: Тверской госуниверситет, 2002. 200 с.

Скородумова Ю. Параноев ковчег // Фестиваль поэзии Genius Loci. М.: СПб., 1999. С. 83–85.

Тюпа В.И. Постсимволизм. Теоретические очерки русской поэзии XX века. Самара: Самарский Муниципальный университет Наяновой, 1998. 156 с.

Фоменко И.В. Цитата // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной Intrada, 2008. С. 293–294.

Шкловский В.Б. (а) Искусство как прием // Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 9–23.

Шкловский В.Б. (б) Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля // Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 26–63.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Издательство «Прогресс», 1975. С.193–230.

CITATION AS AN INSTRUMENT OF UNDERSTANDING

V.A. Milovidov

Tver State University, Tver

The article deals with the citation as the means used to intensify the process of understanding. The text containing different types of citation shows the features of what may be called an induced

metaphor. The formats and the types of understanding may vary depending on what paradigm the text belongs to.

Keywords: understanding, citation, estrangement, neo-traditionalism, post-modernism, metaphorization.

Об авторе:

МИЛОВИДОВ Виктор Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета; e-mail: vik-milovidov@yandex.ru